

УДК 930.2(470) «1946»

Волобуев О.В.

Московский государственный областной университет

**ПИСЬМА ТРУДЯЩИХСЯ И.В. СТАЛИНУ. 1946 ГОД:
ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

O. Volobuyev

Moscow State Regional University

**WORKING PEOPLE'S LETTERS TO I. V. STALIN. 1946:
HISTORICAL AND POLITICAL ASPECT**

Аннотация. В статье рассматриваются письма трудящихся, направленные на имя И.В. Сталина в 1946 г. В сводках, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории, представлены частично сами письма и главным образом аннотации на них. Эти эпистолярные материалы являются историческим источником, характеризующим положение и чаяния разных статусных социальных групп послевоенного советского общества. В этом историко-политологическом аспекте анализируются письма о положении колхозников, городского населения, бывших военнопленных, репатрированных. В целом взятые, они составляют картину повседневной жизни советских людей в условиях послевоенной массовой нужды и голодного 1946 г. Для большинства статусных групп на первый план выдвигались вопросы материального обеспечения, для бывших военнопленных и репатрированных граждан вопросы их правового положения.

Ключевые слова: письма Вождю, колхозники, городское население, бывшие военнопленные, репатрированные.

Abstract. The article deals with the working people's letters to I.V.Stalin in 1946. The records kept in the Russian State Archive of Socio-Political History include mainly annotations of the letters and partially the letters themselves. These epistolary documents are a historical source which characterizes the situation and expectations of various social groups in post-war soviet society. The author takes into consideration this aspect while analyzing the letters of: collective farmers, urban population, former prisoners of war and the repatriated ones. All those letters in whole make up a picture of Soviet people's everyday-life in post-war poverty and hunger of 1946. Questions of material security were important for most of status groups, while former prisoners of war and the repatriated citizens were mostly interested in their legal status problems.

Key words: letters to the Leader, collective farmers, urban population, former prisoners of war, the repatriated.

В статье рассматриваются письма 1946 года на имя И.В. Сталина, которые характеризуют положение разных социальных групп населения и в целом уровень материальной обеспеченности/необеспеченности населения страны. Письма представлены полными текстами (частично) и аннотациями.

Предлагаемое исследование продолжает и дополняет ранее опубликованную статью, в которой был дан общий обзор писем и заявлений на имя Сталина за 1946–1952 гг., хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде 558 [2]. В отличие от нее, в данной статье анализируются персональные и коллективные письма той части населения, которую можно определить, как «трудящиеся».

Такой выбор/отбор объясняется, во-первых, тем, что именно письма трудящихся могут выступать как источники массового характера, даже если их количество ограничено. Их в делах 1946 г. меньше, чем писем от разных слоев интеллигенции. Но в то же время среди них встречаются коллективные письма, причем под некоторыми имеются сотни подписей. В отличие от

писем интеллигенции, очень разнообразных по своей тематике, письма трудящихся дают более или менее цельную картину послевоенной повседневности в ее двух разрезах: материально-бытовом и правовом.

При анализе писем 1946 г. следует учитывать то разорение, те потери, которые были неизбежным следствием тяжелой и длительной войны. Не случайно большинство писем трудящихся было отправлено из городов и областей Европейской части СССР, которые пострадали от военных действий, оккупации или являлись прифронтовыми территориями (как Москва). Другим обстоятельством «тяжелого 1946 года» были его погодные условия. Низкий урожай зерновых 1946 г. вызвал массовый голод в ряде республик и областей Европейской части СССР [3; 8].

Положение некоторых областей было особенно тяжелым. Типичным можно считать письмо заведующего районным отделом образования Великолукской области В.И. Иванова, человека, вне сомнения честного, смелого и болеющего душой за людей. Он пишет о том, что у них свирепствует голод, люди опухают от недоедания, участились смертные случаи, что необходимо выделить хлеб, организовать питание детей, обеспечить их одеждой и обувью¹. И хотя ясно, что речь идет о разоренной войной области, нельзя не обвинить местное советское и партийное начальство в пренебрежении человеческими судьбами. То есть в каждом случае следует принимать во внимание и объективно действующие последствия недавно прошедшей войны, и субъективные причины, связанные как с политикой верхов, или, говоря другими словами, сталинской политикой, так и с конкретными отношениями к людям со стороны представителей местных органов власти (партийных, советских, административно-производственных).

Важным вопросом при классификации писем является отнесение авторов-отправителей по принадлежности или авторской позиции к определенной социальной группе, так как без этого невозможны ни отделение индивидуального от типичного, ни экстраполя-

ция имеющихся в письмах фактов и сведений на всю социальную группу. Самым простым, но в то же время упрощенно-грубым было бы прибегнуть к принципу классового деления общества, принятого в советскую эпоху. А. Лившиц и И. Орлов, внесшие существенный вклад в публикацию и изучение той группы источников, которую именуют «письма во власть», отмечали: «От того, как удастся классифицировать «письма трудящихся» зависит и эффективность их анализа, и в целом действительность использования данных источников для более полного понимания времени, к которому они принадлежат» [6, с. 17].

Наиболее адекватной тому времени и состоянию общества, на наш взгляд, является методика социальной стратификации, разработанная М. Вебером [1; см. также 3]. В данном случае имеется в виду деление на статусные социальные группы, т. е. группы, отличающиеся друг от друга в первую очередь своим правовым, престижным и материальным положением. На основании этих критериев в исследовании выделены следующие статусные группы: колхозники и рабочие совхозов, городское население, бывшие военнопленные, репатриированные граждане, заслуженные пенсионеры (лица, получающие персональные пенсии, члены ВКП(б) с многолетним партийным стажем, бывшие политкаторжане и т. п.). Выделяя городское население как некое единство, считаем, что и рабочие и служащие находились примерно в одинаковом положении в отношении продовольственного и промтоварного снабжения по карточкам. Бывшие военнопленные и репатриированные советские граждане относились к отдельным статусным группам по своему фактически бесправному положению в послевоенном обществе. При выделении заслуженных пенсионеров в самостоятельную группу «льготников» учитывался также фактор престижности.

Социально-экономическое состояние колхозов преимущественно отражено в аналитических записках и предложениях, представленных лицами, не являющимися колхозниками, но «болеющими» за состояние

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 63.

сельского хозяйства и положение его тружеников. Сами колхозники не отличались ни уровнем грамотности, ни, будучи замордованными условиями сельской жизни, быть может, необходимой гражданской смелостью. Так, например, Р. Пихоя, рассматривая в монографии письмо депутата одного из сельсоветов Кировской обл. С.Д. Корякова в Совет Министров СССР 1946 г., подчеркивает, что тот писал «по поручению колхозников» [7, с. 71]. Авторами развернутых аналитических записок, подобных письму С.Д. Корякова, являлись люди, хорошо знакомые с проблемами советского послевоенного села. Один из них – работник Орловского сельского райкома, член ВКП (б) с 1921 г., Н. Федоров, письмо которого датируется 6 июля 1946 г. О себе он сообщает, что являлся уполномоченным райкома в весеннюю посевную кампанию. Райкомы назначали своих уполномоченных обычно дважды в году: в весеннюю посевную и летне-осеннюю уборочную кампании. Перед уполномоченными, отвечающими за определенный участок (часть района), ставились задачи во что бы то ни стало добиться выполнения государственных плановых заданий по посеву и уборке сельскохозяйственных культур. Сам Федоров, относясь к институту райкомовских уполномоченных критически, замечает: «Широко используется институт уполномоченных, последние, привыкнув только накачивать, разносить и выжимать, не пользуются авторитетом у масс колхозников»¹. В начале письма Федоров констатирует, что «в 1944 и 45 годах в подавляющем большинстве колхозов ничего не выдавалось на трудодни» и «перспективы получить на трудодни в 1946 г. нет»². Следующая констатация не менее тревожна: «Плохой урожай и большой падеж поголовья в районе и области объясняют дождливыми летом и осенью 1946 года, фактически же в большей доле это следствие массового расхищения»³. Автор сетует на низкую трудовую дисциплину, на мелкобуржуазную психологию крестьян, на то, что сельские коммуни-

сты избегают физической работы и стремятся попасть на руководящую должность. Практические выводы сводятся к 4-м пунктам: необходимо: 1. выдвинуть лозунг «Лицом к колхозной деревне»; 2. выезд на места специальных комиссий; 3. шефство города над деревней; 4. переход от лозунгов периода войны к методам партийной работы в мирных условиях⁴. Если в описании состояния колхозного села Федоров честен, то в своих положительных рекомендациях он не выходит за рамки рекомендаций партийного чиновника, игнорируя глубинные причины «сельских бедствий». Но не станем ставить ему в вину «партийную слепоту»: она естественна для сталинского времени и сталинского поколения чиновников. Главное ведь его поступок: письмо Сталину о положении в сельском хозяйстве.

Автор другой обстоятельной записки о положении в колхозах и совхозах, И. Бовузей, не ограничиваясь одной областью, постарался собрать большой материал по разным областям и автономным республикам, часть которого приложена к «записке» в виде выдержек из газетных публикаций. В частности им использованы данные по районам Одесской, Харьковской и Тамбовской областей, Башкирской АССР. Как и Федорова, его беспокоит вопрос невыходов на работу в колхозах и совхозах (работают на индивидуальных приусадебных участках). Вывод Бовузея прост: колхоз не кормит, нужна личная непосредственная заинтересованность в результатах труда⁵. Какая могла быть заинтересованность в труде, если даже после выполнения планов хлебазаготовок и молокопоставок колхозников вновь облагали дополнительно и сверхпланово⁶. Вопрос о необходимости коренных изменений в колхозном производстве, в том числе пересмотра оплаты труда колхозников, поднимали и другие авторы писем, например, Д.М. Воронцов и П.А. Иванов⁷.

В городах положение с обеспечением продовольствием было и лучше и устойчивее по

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 22.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 868. Лл. 46-80.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 871. Л. 6.

⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 13.

сравнению с селом. Так, характеризуя его, москвич пишет: «есть карточки, есть нормы, каждый месяц со всевозможными вариациями карточки отовариваются». Жалуется он на обслуживание: «Трудно даже передать, как обслуживают, как выматывают нервы и сколько приходится затрачивать времени, чтобы отovarить свои карточки»¹. Однако не следует забывать, что и в Москве многие семьи еле-еле сводили концы с концами, о чем, в частности, можно судить по материалам информационных сводок, поступавших в ЦК ВКП(б) [4, с. 71].

О том, что в городе продовольственный вопрос все же как-то решался, свидетельствует письмо коллектива рабочих-железнодорожников станции Дружинино. Рабочие просят выдавать городской паек хлеба и сахара их детям, живущим в селах (многие рабочие отправляли своих детей к бабушкам и дедушкам в села)². Такое письмо-просьбу можно было отправить Вождю только в том случае, если все попытки решить этот вопрос на месте не дали положительного результата. Почему – можно гадать – то ли из-за бюрократизма, равнодушия, то ли по другим, скажем так, объективным причинам.

Конечно, и в городах, как известно, питание было скудным. Обобщая положение с питанием, П.К. Шевцов, согласно аннотации, «пишет, что большинство трудящихся нашей страны, в том числе и он, живут впроголодь. В пятилетнем плане ничего не сказано конкретно о реальной зарплате. Считает, что ЦК и особенно т. Сталину не вполне известно о состоянии материально-бытовых условий на местах»³.

Не только продовольственный вопрос был болезненным для населения, которое испытывало каждодневные бытовые трудности: что одеть, на чем спать, чем зимой топить печь. Отсутствие предметов первой необходимости (заметим, что не хватало даже кастрюль, тарелок и ложек) остро ощущалось населением, даже в столице. Показательно

в этом отношении письмо А.Н. Радина, информирующего о том, что москвичи уже третий месяц не получают мыла и что даже в годы Гражданской войны такого не было⁴. Или вот еще одно письмо-жалоба мосвича. У него протекла крыша, и он не может достать стройматериалы для ремонта. У него износились залатанные и заштопанные брюки, и он не может их заменить другими. У него развалился стул, и он вынужден сидеть на крышке из-под швейной машинки. «Наш плановик объясняет, – пишет жертва послевоенного быта, – что легче строить 5-ю очередь метро, так как она делается по плану, чем сшить или починить брюки, так как последнее надо делать в индивидуальном порядке»⁵. Не случайно уже в самом начале 1946 г. Т. Кошелева, обращаясь к Сталину, пишет о необходимости наладить производство платья, костюмов, пальто, и предметов быта⁶.

Материально тяжело было не одним колхозникам, рабочим, но и учителям. Среди писем 1946 г. имеются письма представителей этой общественно ответственной профессии.

Но не только о материальных трудностях писали Сталину. После войны рабочие и служащие надеялись на «раскрепощение»: отмену закрепления за постоянным местом работы. На право «свободного труда» ссылается сметчик Зарецкий: «Ввиду того, что Конституция СССР предусматривает свободный труд граждан Советского Союза, то само по себе разумеется необходимо дать свободу гражданам о переходе их из одного предприятия-учреждения в другое»⁷. Он же предлагает награждать за выслугу лет.

О чрезвычайно тяжелом положении материально-бытовом положении группы персональных пенсионеров дома инвалидов «Данки» сообщает Н.М. Субботина, в прошлом астроном с 50-летним стажем⁸. Пишут об этом и старые большевики, и бывшие поли-

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 40.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 866. Л. 6.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 871. Л. 10.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 8.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 39-40.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 866. Л. 3.

⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 24.

⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 4.

ткаторжане¹. Имеется и анонимное письмо о тяжелом материально-бытовом положении старых большевиков². Среди авторов писем-просьб имеется и Герой Советского Союза В.П. Антонов. Письмо все о том же: тяжело, помогите материально, помогите с комнатой (обратим внимание: с комнатой, а не квартирой). Это письмо было направлено секретарю Ивановского обкома партии³. О тяготах жизни Сталину пишет и бывший офицер, орденоносец, инвалид Великой Отечественной войны⁴.

Особенно сложно складывалась послевоенная жизнь бывших военнопленных. Их не прописывали в ряде городов, не давали возможности продолжить прерванную войной учебу в вузах. Автор такого письма с горечью восклицает: «Уцелеть в лагерях фашистов, не сгибая спины перед... фельдфебелем – разве это не мужество в жизни». Не преминул он и отметить, что все эти мытарства касаются миллионов людей⁵. В аннотации на письмо бывшего старшего лейтенанта, летчика Бухарова, попавшего раненым в плен после того, как самолет был сбит, так описывается его положение: «Теперь, будучи освобожден, он проходит так называемую проверку..., как бесправный, всеми осуждаемый преступник. Семья лишена пенсии, голодает, без крова, без обуви и одежды. Просит т. Сталина сказать ему, за что же такое наказание, когда вины за ним нет никакой»⁶. Как правило, анонимные письма до Сталина не доходили, но было, видимо, сделано исключение для такого коллективного письма, от имени стройбатальона, сформированного из бывших военнопленных. Красноармейцы, по их собственной аттестации, «бывшие в рабстве в Германии», жалуются на то, что находятся в очень тяжелых условиях: много работают, а их питание меньше и хуже, нежели у военнопленных. Они просят не только о том, чтобы

обратили внимание на их нужды, но и о том, чтобы им разъяснили, кем их считает правительство⁷. Похожим по направленности является и коллективное письмо от двухсот бывших военнослужащих, работающих на одном днепропетровском заводе. Заводские «крепостные» сообщают, что, по заявлению дирекции, они закреплены за заводом пожизненно, им предложено ликвидировать по месту их прежнего жительства хозяйства и перевезти свои семьи в Днепропетровск. Письмо заканчивается просьбой объяснить, кто они такие и каковы их права, есть ли у них надежда вернуться к семьям⁸.

Одно из коллективных писем на имя Сталина было получено от пятисот бывших военнослужащих, определенных в рабочий батальон при заводе им. М.И. Калинина в г. Дзержинске, Горьковской области. Прочитируем фрагмент из письма: «Но когда же будет этому конец? Ведь контингент данных людей, в особенности когда это было нужно для Родины, были офицерами РККА, сейчас в силу утери документов, это подтвердить не могут. До войны мы были инженерами, техниками, учителями, врачами, а сейчас мы стали ненужными людьми и выброшены в мусорную яму. Спрашивается, за что? За то, что мы на своих плечах вынесли все тяжести и невзгоды войны и оказались виновниками за то, что в ожесточенных схватках на поле боя остались ранеными, контуженными и попали в руки врага?»⁹.

Как ни тяжело было в рабочих батальонах, еще тяжелее оказалась судьба тех бывших военнопленных, которые находились в лагерях. Г.И. Петров пишет, что многие кадровые офицеры попали в лагеря, где содержатся вместе с преступными бандитскими элементами. Он соглашается на такую меру наказания, как лишение офицерских званий, но просит сохранить награды, заработанные кровью¹⁰. Как отмечается в аннотации на коллективное письмо, бывшие военнопленные, офицеры,

¹ РГАСПИ. См. коллективное письмо: Ф. 558. Оп. 11. Д. 866. Л. 19.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 12.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 13.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 4.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 866. Л. 132-133.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 11.

⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 10.

⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 64.

⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 22.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 17.

«пишут о бесправном, не заслуженном ими положении, в котором они очутились у себя на родине в Советском Союзе»¹. У некоторых бывших военнослужащих, находящихся в лагерях, возникает надежда на возможную амнистию. Такая просьба содержится в одном из писем².

Еще одна социальная категория «негативно привилегированных» – это репатриированные. О том, что к «претерпевшим муки рабства у немцев относятся как к людям второго сорта, неполноценным, презираемым», пишет Т.А. Мигаль. В письме – просьба к Сталину «своим словом разбить раз и навсегда мрачную тень прошлого»³. А.Б. Белковский просит разъяснить, будет ли демобилизация репатриированных, каково их правовое положение, могут ли они вступать в партию⁴. От имени репатриированных, находящихся в рабочем батальоне, автор письма просит сообщить, как скоро они будут отпущены к семьям и станут равноправными гражданами СССР⁵. С аналогичным вопросом о возвращении к семьям обращаются к Сталину 85 репатриированных лиц, подписавшихся под коллективным письмом⁶.

По содержанию писем и аннотаций авторов можно разделить на две части – тех, кого в первую очередь волновали вопросы питания и быта, и тех, для кого первоочередными стали вопросы их правового положения. Особенностью писем трудящихся был, как правило, не узкий лично-эгоистический подход к поднятым вопросам, а стремление «по-

дать голос народа» в интересах всей статусной группы. Как явствует из анализа приведенного эпистолярного материала, представители выделенных статусных групп надеялись на то, что Вождь недостаточно информирован о положении в стране и что в той или иной степени их обращения найдут отклик в самой высшей инстанции. Можно сказать, что это были письма «последней надежды».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вебер М. Основные понятия стратификации // А.И. Кравченко. Социология Макса Вебера: труд и экономика. – М., 1997 / Приложение. – С. 162-180.
2. Волобуев О.В., Волобуева Т.О. Сводки по письмам и заявлениям на имя И.В. Сталина. 1946–1952 годы: обзор архивных материалов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2011. – № 2. – С. 31-35.
3. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. – М., 1996. – 265 с.
4. Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М., 1919. – 230 с.
5. Иванова Н.А. Вопросы стратификации общества в трудах Макса Вебера // Историк и педагог: сборник статей памяти профессора А.С. Рудя. – М., 2012. – С. 76-83.
6. Лившиц А., Орлов И. Власть и общество: диалог в письмах. – М., 2002. – 206 с.
7. Пихоя Р. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985. – М., 2007. – 715 с.
8. Попов В.П. Голод и государственная политика (1946–1957) // Отечественные архивы. 1992. – № 6. – С. 36-60.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 18.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 15.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 866. Л. 93.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 65.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 10.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 71.